

Вспоминает дочь Ивчиной Александры Семеновны жительницы

агрогородка Семукачи

- Моя мама, Ивчина Александра Семеновна, родилась 5 июля 1929 года. На начало войны ей исполнилось всего 12 лет, но это уже тот возраст, когда ребёнок всё осознаёт и запоминает. Её воспоминания всегда были полны боли и горечи, потому что ей пришлось пройти через ад Великой Отечественной войны.

И начался этот ужас с первых дней войны, потому что деревню Семукачи фашисты сразу же оккупировали.

- Нас у матери было четверо, - начинала свой рассказ мама. Я - самая младшая. Старший брат жил в Ленинграде. Он всю блокаду был там. Слава Богу, пережил ее.

Наш дом, как и многие другие, был разрушен в самом начале июля 1941 года. Мы ютились у родственников, пока не восстановили своё жилище. Фашисты то приходили в деревню, то уходили.

В 1943 году оккупанты начали хватать людей и отправлять в концлагеря. Мою маму вместе с нами тоже забрали. Эти воспоминания меня не покинут до самой смерти. Это было настолько страшно, что перевернуло всю мою душу.

Три месяца в концлагере показались вечной пыткой.

Сначала нас согнали к железнодорожному мосту через реку Друть, а потом погрузили в вагоны для перевозки скота. В кромешной темноте и невыносимой тесноте нас повезли в Кричев (меня, маму, её сестру Нину и мою бабушку, Мудрогелову Арину Тарасовну). В моей детской памяти отложилась каждая минута, проведённая в застенках.

Было очень холодно и голодно. Люди умирали каждый день: дети, женщины, молодые и старые. Мы всё это видели и старались не паниковать, чтобы фашисты нас не убили сами.

Потом случилось то, чего мы боялись больше всего: нас отобрали для отправки в Германию. Но во время следования нашим солдатам удалось как-то отцепить три вагона и так мы спаслись от рабства.

Лежал нелёгкий путь домой. Ведь фашисты искали сбежавших с собаками. Мы шли по воде, чтобы овчарки не взяли след, и смогли благополучно добраться до дома.

Я понимала, что детство моё закончилось, а началась жизнь, полная испытаний.

Моя мама вместе со своей подругой Груней пекли хлеб на хуторе для партизан и я под предлогом выпаса коров доставляла этот хлеб.

У Груни была сестра Надежда, которая до войны работала операционной сестрой в городе Могилеве. Во время войны, имея запас медикаментов и бинтов, жила здесь и помогала оперировать партизан. Когда немцы об этом узнали, приехали домой и прямо во дворе расстреляли Надежду. Моей бабушке и маме Груню удалось спасти. Они спрятали её под пол в своём доме.

Ещё одна история всколыхнула мои воспоминания. В один из дней фашисты приехали на наш посёлок, где жил председатель колхоза Лагунец. Кто-то донёс карателям, что у Лагунца находятся разведчики. Действительно, 5 человек находились в доме председателя колхоза. Фашистам удалось их схватить. Тут же была совершена казнь: всех пятерых подвели к колодцу, расстреляли и бросили вниз. Лагунца отвезли в Могилев в гестапо. Его дальнейшая судьба не известна.

Когда немцы уехали, это было уже вечером, моя мама услышала стон из колодца. Оказалось, что один из бойцов был ранен в плечо и притворился мёртвым. Фашисты не поняли этого и бросили его в колодец вместе со всеми. Моя мама и бабушка вытащили раненого. Мама сбегала за Надеждой, и она его прооперировала.

Боец был с Байкала. Фамилию и имя мама не помнит. Но он приезжал в 70-е годы к маме в гости. Моей бабушки в то время уже не было в живых. Этот солдат высказал огромную благодарность моим родным за спасённую жизнь.

Вспоминает Дудкова Ольга жительница деревни Городище.

- Я родилась во время войны, поэтому войну я знаю из рассказов своей матери. Мой отец до войны работал бухгалтером в военном лесничестве под Осиповичами. До войны мы жили в большом доме. При наступлении немцев наш дом был разбит снарядом. К счастью, никого дома не было. Моей семье приходилось ютиться по чужим углам. Потом мы перешли жить в дом, где раньше находился сельсовет. В семье у нас было четверо детей.

На второй год войны, отца призвали на фронт и в скором времени мы получили известие, что он пропал без вести.

Война была страшной. Наша деревня была партизанская.

В 1942 году нашу молодежь, которым было по 14-15 лет согнали в Германию. В конце зимы 1943 года всех жителей собрали на краю деревни в дом Куропатенко и хотели сжечь. Дом был окружен немцами с пулеметами. Все люди кричали. Немцы ждали начальство.

До войны у нас в школе работала учительница немецкого языка, потом она была принуждена работать переводчиком у немцев. Как она сумела убедить начальство в том, что жители не виновны и не оказывают содействие партизанам, осталось неизвестным, но нас отпустили.

Ночью нас выгнали из дома и погнали к железнодорожному мосту, посадили в вагоны. Мы сидели в тесноте. Мама всю дорогу прижимала меня к себе, боясь, чтобы я не замерзла. Куда нас везли, мама не знала. Со мной ехали еще моих две старших сестры. Нас привезли в концлагерь в Кричев.

Везли туда целых трое суток. Казалось, что эта дорога никогда не закончится.

Мама рассказывала, что бараки, в которые нас поселили, были очень холодными. Взрослых кормили мёрзлой свёклой, помоями и всякими отходами. Мама кормила меня грудью. Вместе с нами в концлагере были наши соседи.

Маленькая девочка Нина, которой было всего около 1,5 лет была со своей бабушкой. Ее мама спряталась от угона в Германию.

Несмотря на то, что взрослые жили впроголодь, моя мама не дала умереть маленькому ребёнку. Она смогла выходить меня и маленькую девочку Нину, которая жива по сей день. Старшие дети втихую сделали лаз в проволоке и лазали в продовольственный склад за продуктами, чтобы хоть как-то выжить и помочь маме нас выкормить.

Через год мы были освобождены. Когда вернулись, дом был сожжен, как и другие. Мы построили маленький дом. Было тяжело, но зато мы были свободными.

Война принесла много горя. Моя мама за время войны перенесла очень много боли и страха. Но она выжила и вырастила нас.

Вспоминает Татьяна Моргунова жительница

деревни Большие Белевичи

- На момент войны мне было 10 лет. Отца забрали на войну по первой мобилизации. Нас осталось дома четверо. Моя мама, я, дедушка по отцу и брат. Так прожили 1941 год.

Помню, как в июне 1942 года приехал карательный отряд и всех согнали на «шлях». Начались обыски. В домах, во дворах, в сараях всё переворачивали вверх дном. У наших соседей фашисты нашли тол. За это каратели сразу сожгли 12 домов. В том числе сгорел и наш.

Первое время мы ютились по соседям, а потом один наш родственник отвёл для нас небольшую истопку. Позже мы перевезли её на своё подворье и сделали маленький домик. Дед перевёз гумно и сделал место для коровы.

Страшным был день 27 сентября 1943 года, когда на нашу деревню налетели самолёты. Брат мой как раз вернулся из лесу. Мы выбежали на улицу и увидели, что самолёты начали бомбить деревню.

От испуга все спрятались в погреб, даже соседи к нам прибежали. Очень хотелось пить. Мама побежала за водой. Ей удалось немного набрать воды, но она, еле успела, вбежать обратно.

Деревню бомбили целый день. Самолеты заходили по кругу несколько раз. Все сгорело. Корова была в поле, поэтому осталась жива. Так и жили мы в погребе вместе с соседями.

Потом к нам пришла соседская девочка. Она рассказала о гибели своих родных. Смерть их была страшной, потому что они задохнулись от дыма. Бомба попала в сарай, где находился погреб. Пять человек просто не смогли выбраться из-за сильного огня и дыма, а девочка всё это видела и её состояние было ужасным. Её взяли к себе родственники.

Позже мы сделали землянку и сарай для коровы. Корова спасала нас от голода. Я помню, что землянка протекала, окно в землянке лежало на земле. В

деревне каждый копал себе землянку. Там делали печь и даже стелили пол, иначе было очень холодно.

Зимой 1943 года мой брат пошёл за водой, его схватили немцы и увезли в неизвестном направлении. Мама очень долго переживала.

В 1944 году наш дед умер, без него стало жить труднее.

Когда пришли советские войска, к нам приехал следователь, чтобы разузнать, где наш брат. Мы ничего не знали, думали, что и он пропал без вести, как наш отец. Брат же вернулся после войны домой из Югославии, где работал у хозяев.

После войны брат служил в армии. В послевоенное время мы ещё долго жили в землянке, пока не построили дом. Но сарай, который строили мои брат и дядя тогда, стоит до сих пор рядом с новостройкой, как память о тех тяжёлых временах.

Вспоминает Ольга Укружская жительница

деревни Александров

- Скольких детей война осиротила, одному Богу известно. Так и я осталась сиротой в 1943 году.

Всего в семье нас было четверо детей. Отец наш умер ещё до войны. Мы все жили с мамой и бабушкой по отцовской линии.

В самом начале войны старший брат ушёл на фронт, потом пришла похоронка. Сестру Анну забрала к себе тётя, чтобы её не угнали в Германию. Так мы остались с младшим братом вдвоём у мамы.

Я никогда не забуду страшный день 27 сентября 1943 года. В этот день пошла в лес за грибами и это мне спасло жизнь. Я услышала гул в небе, потом были сильные взрывы. Это фашистские самолёты бомбили деревню Большие Белевичи.

Моя мама, младший брат и бабушка хотели укрыться в поле, побежали, но их настигла бомба. Мощный взрыв и пустота...

Когда я вернулась из леса, моих самых близких людей уже не было в живых. Так я осталась сиротой. Растила меня моя тётя.

Вспоминает дочь Мудрагелова Василия Васильевича жителя

деревни Пуца

-На начало войны мой отец был молодым. Но несмотря на свою молодость, он не мог остаться равнодушным к тому, что чужаки пришли на нашу землю и начали уничтожать всё, что строилось и добывалось многие годы тяжёлым трудом.

Как только появились первые партизанские отряды в близлежащих лесах, мой папа ушёл к ним, чтобы бороться с врагом с оружием в руках. Так он оказался в знаменитом 121-м партизанском полку под командованием легендарного командира Османа Касаева. Со временем отца назначили командиром взвода. За время войны мой отец получил 6 ранений, но выжил и пришёл с Победой домой.

После войны работать в колхозе он не смог из-за ранения. Одна рука у него не работала. Но семью надо было кормить, и он сумел одной здоровой рукой заниматься плотничеством.

Вспоминает Анна Цумарева жительница

агрогородка Семукачи

Когда началась война, мне было всего 11 лет. Воспоминания врезались в мою детскую память очень сильно. Я до сих пор помню все: трудности, холод, голод, страх быть убитой...

Отец наш умер до войны. Нас было четверо детей в семье, и мама нас поднимала на ноги одна.

Сестра Нина была старшая. Когда началась война, то много молодёжи ушло на фронт, а моя сестра осталась дома, потому что взяла чужого ребёнка на воспитание. Его родители погибли, а родственников рядом не было. С этим ребёнком Нина попала в концлагерь в Кричев.

Меня и моего брата фашисты отправили в концлагерь в Оршу. Когда нас перевозили туда, меня фашисты хотели расстрелять, потому что я попросилась выйти из вагона по нужде. Они подумали, что я хотела убежать, и готовы были со мной расправиться, но брат быстро втащил меня в вагон. Так я осталась жива.

В концлагере мы очень много работали, еда была не вкусной, но мы выжили, хотя и здесь меня тоже хотели расстрелять. Я заболела и фашисты решили, что я умираю, поэтому вывели на расстрел вместе с другими. Одна женщина меня спасла, уговорив фрицев дать мне шанс. Я до старости не могу этого забыть, ведь каратели уступили, и я осталась живой.

После освобождения мы с братом вернулись домой и узнали, что наша мама умерла от гангрены. Была бомбёжка и её ранило в ногу. Поскольку лекарств не было, то пошло заражение и мама не выжила.

Нас приняла старшая сестра Нина, которая вернулась из Кричевского концлагеря.

Больно, страшно, незабываемо. Не дай Бог никому на этом свете пережить такое. Хочется, чтобы мир был вечным.

Вспоминает Северинцева Анна жительница

деревни Александров

- Я не помню начала войны, потому что была пятилетним ребёнком. Вспоминаются раскаты взрывов и стрельбы в районе коркотского леса. Стрельба была частой, пули со свистом врезались в стены домов. Мама во время обстрелов прятала нас за комин на печке, чтобы обезопасить.

В моей памяти на всем протяжении жизни всплывает день, который потряс своей жестокостью.

Всем известно, что в округе было много партизан и жители каждой деревни помогали им в борьбе с фашизмом. Каратели это знали, но ничего не могли сделать, поэтому решились на крайне жестокую расправу. Они согнали всех жителей деревни в амбар, чтобы сжечь. Фашисты утверждали, что не остановятся ни перед чем, так как они догадывались, что в деревне в это время находилась врач Павловская, которая лечила партизан. На тот момент врач спряталась в один из сараев в деревне. Фрицы собирались всё сжечь, но уничтожить Павловскую.

Спас жителей староста деревни, так как он работал на партизан и на немцев. Он сумел убедить немцев, что Павловской в деревне нет. Немцы делали обыски, протыкали сено и солому в сараях. Но так никто и не догадался, что именно в сарае старосты стенка была двойная.

Когда немцы сгоняли людей, нам с сестрой удалось бежать. Мы спрятались за деревней, в овраге. Это был конец марта. Снег таял, вода была ледяная. Наши ноги занемели и мы не могли идти. Нас нашли люди из деревни Большие Белевичи и понесли на руках к себе домой. Благодаря им, мы остались живы.

Но больше всего запомнилось окончание войны. Наши солдаты, изгнав врага, радовались вместе с нами, устраивали целые гулянья. Среди развалин, пепелищ и воронок стояли мы и солдаты, ликуя от радости, что враг больше не вернется на эту землю. Красноармейцы угощали нас хлебом, вкус которого возвращал к жизни. Помню летели наши самолёты, и мы не боялись, а кричали от восторга и радости.

Отец наш погиб в Польше, я его не помню.

**Вспоминает Нина Ивчина жительница
деревни Городище**

-Я родилась в конце 1941 года, поэтому мои воспоминания - это воспоминания моей бабушки.

Как рассказывала бабушка Настя, то вначале войны фашисты хватили людей для работы в концлагерях и для угона в Германию. Мою маму бабушка отправила прочь из деревни, чтобы она не попала в руки фашистов, потому что её готовили к угону в фашистское логово.

А вот меня вместе с бабушкой отправили в концлагерь в Кричев. Со слов бабушки, нас ночью увезли. Были мы там около года. Я была грудным ребёнком и меня взялась выкормить женщина из нашей деревни, так как у неё тоже был маленький грудной ребёнок. Благодаря ей, я осталась жива.

После освобождения из концлагеря мы вернулись домой. Вместо дома осталось пепелище. Трудно было выживать. Потом вернулась мама, стало легче.

Большой радостью было возвращение нашего отца. Он вернулся с войны, когда мне было семь лет.